

УДК 821.161.1

ПТИЦЫ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В.Н. Алексеев¹

Текст «Слова о полку Игореве» рассматривается как один из первых на Руси источников сведений о птицах. Многочисленные примеры показывают, что автор «Слова» был прекрасным знатоком мира птиц вообще и соколиной охоты в частности. Обсуждаются некоторые термины и выражения, до сих пор вызывающие трудности переводчиков. Предложены новые варианты перевода этих слов.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», переводы, соколы, смысл слов, новые толкования.

Знаменитое литературное творение – «Слово о полку Игореве» – не только памятник древнерусской словесности, но и предмет всестороннего изучения. До сих пор продолжается полемика о подлинности этого произведения (Зимин, 2006). В то же время существуют сотни реконструкций («переводов») сохранившейся копии «Слова» на все славянские и многие европейские языки. И тем не менее на поле деятельности лингвистов все еще сохраняются «нетронутые полоски». Одна из них – язык сокольников, т.е. охотников с ловчими птицами.

Уже в XI в. в Киеве существовал соколиный двор – детище князя Олега. С тех пор и до XVIII в. охотой с ловчими птицами на Руси занималось множество людей – от крестьян до бояр и царей. Только у царя Алексея Михайловича содержалось около трех тысяч соколов! Но с изобретением огнестрельного оружия это занятие кануло в Лету. Уже несколько веков в Европе практически не охотятся ни с орлами, ни с соколами, ни с ястребами. А ведь прежде существовал даже обряд посвящения мужчины в соколятники. И хотя клубы любителей-соколятников не дают древней охоте совсем исчезнуть, язык этого «ремесла», язык соколиной охоты стал фактически мертвым, сохранившимся лишь в старинных словарях и книгах.

Охота с соколами по сравнению с орлиной или ястребиной считалась самой красивой, можно сказать благородной. Со временем право охотиться с соколами стало в Европе привилегией исключительно высшего сословия. Сокольники использовали преимущественно крупные виды соколов: сапсан, шахин, балобан, кречет. Эти птицы способны бить в воздухе уток, гусей, лебедей, цапель, хотя в природе питаются также и более мелкими

птицами и даже небольшими грызунами. Во время охоты сокол поднимается выше птицы-жертвы и, пикируя на нее со скоростью до 300 км/ч, наносит когтями смертельный удар.

Наблюдая охотящегося в небе сокола, люди издавна видели в них пример несокрушимой силы, открытого и честного нападения, быстроты, зоркого глаза, меткого удара. Не случайно же так крепко держатся в русском языке выражения «сокол ты мой ясный», «эх, соколки!», «очи соколы», «соколиный наряд» и др.

Что же говорится и говорится ли вообще о птицах в самых древних письменных источниках? Насколько известно, лаконичные надписи на берестяных грамотах касались преимущественно бытовых вопросов или были посвящены религиозным и мировоззренческим темам. Достаточно типичен и язык древнерусских летописей, посвященных описанию исключительно исторических фактов. Например, в самом раннем из дошедших до нас летописном своде XII в. – «Повести временных лет» – птицы упоминаются несколько раз. Так, в известной истории о мести княгини Ольги древлянам говорится о голубях и воробьях, а при описании подвигов половецкого хана Боняка сказано: «Боняк же разделил своих на три полка, и сбили венгров в мяч, как сокол сбивает галок» (Повесть временных лет, 1987). Речь шла о сражении под Премышлем, где Боняк заманил противника в окружение и истребил.

На наш взгляд, первым письменным источником, в котором приводятся интересные для орнитологии сведения, следует признать «Слово о полку Игореве», составленное неизвестным автором примерно в конце XII – XIII столетиях. В этом сравнительно небольшом произведении о птицах

¹ Алексеев Владимир Николаевич – доцент кафедры биологии и экологии Государственного гуманитарно-технологического университета, канд. биол. наук, канд. ист. наук (inostemma@mail.ru).

речь заходит 47 раз, в том числе 17 раз о соколах! Всего в «Слове» упомянуты 13 названий птиц: сокол, кречет, орел, лебедь, гусь, гоголь, чайка, дятел, кукушка, ворон, галка, сорока, соловей. При этом автор очень точно характеризует черты поведения каждого вида. Например, «дятлы стуком кажут путь к реке», «как кукушка раннею весною», «голосят, как лебеди в испуге», «соловиный щёкот приумолк», «говор галок в роще пробудился», «слетались галки на беседу, собираясь стаями к обеду», «и взлетала лебедь в облака и трубила».

Такие характеристики свидетельствуют о том, что автор прекрасно знал не только охотничьих, но и многих других птиц. Так, сравнивая князя Игоря с гоголем, автор «Слова» уточняет: «поплыл белым гоголем...», подчеркивая, что уподобляет князя именно селезню, а не утку. Белого в окраске самцов гоголей гораздо больше, и цвет этот много чище, чем у самки. Когда же птица сидит на воде и частично погружена в нее, то светлое оперение самки практически незаметно, и тогда только самец и заслуживает названия «белый».

В другом случае автор говорит о *стаде* лебедей, следовательно, он понимает, что пасущиеся животные, например лебеди и гуси, с точки зрения этимологии должны считаться стадом, а не стаей.

Сказанного можно считать достаточным, чтобы видеть в сочинителе «Слова о полку Игореве» неплохого знатока птиц. Дополнительным свидетельством этого утверждения служат на первый взгляд почти не обращавшие на себя внимание переводчиков меткие слова в отношении соколов – любимых птиц автора.

В пристрастии автора «Слова» к соколам, а значит, и в знании особых слов и выражений вряд ли можно сомневаться. Чаще всего речь идет о сравнениях, т.е. об уподоблении русских князей (и только их!) соколам. Благородство, смелость и сила благородных птиц-охотников должны были подчеркивать те же качества потомков Рюрика. С этой позиции мы и предлагаем рассмотреть некоторые выражения из «Слова», до сих пор не получившие общепризнанного понимания или перевода на современный язык.

Автор «Слова» постоянно отождествляет русских князей с соколами, иногда заменяя «сокол», на «соколец» или «соколич»². Последние слова не уменьшительные от слова «сокол», а обозначали строго самцов соколов, и это было известно автору (и в наше время понятно, что мужчину можно

сравнить только с петухом или гусаком, но никак не с курицей или гусыней).

Обычным в обиходе соколятников было слово «мыть». Оно возникло от глагола «мытить», т.е. «линять, менять перо или шерсть». Причем речь могла идти не только о сезонной, но и о возрастной линьке, например, о линьке жеребят на четвертом или пятом году жизни.

А чи диво ся, братие, стару помолодити?

Коли сокол в мытех бывает
высоко птиц взбивает:
не даст гнезда своего в обиду.

Так говорит старый князь Святослав, обращаясь к молодым князьям. Переводчики «Слова» толкуют выражение «сокол в мытех» как «сокол во время линьки, линяющий сокол» (например, Лихачев, 1982; Орлов, 1938, а также современные переводы А. Шестова-Колпакова, 2003; Ю. Лифшиц, 2001; З. Морозкина, 2002; Ф.Ф. и В.Ф. Моисеевых, 2005). Однако на языке соколятников мытьями мерили возраст ловчей птицы – «сокол трех мытей, сокол пяти мытей».

«Сокол в мытях» – это сокол в возрасте, поэтому сравнение Святослава очень точно. Он, старый князь, и есть «сокол в мытех», и он тоже может защитить себя и Родину.

Еще одно событие «Слова» – побег князя Игоря из плена. Автор пишет, что князь прилег отдохнуть на берегу Донца, а река тем временем стерегла спящего князя «гоголем на воде, чайцами на струях, чрънядьми на ветрех».

Начиная с перевода В.А. Жуковского (Слово о полку Игореву, 1981) и до наших дней слово «чрънядьми» или вообще не переводили, или толковали почти исключительно в одном смысле: чрънядь – чёрнядь, один из видов нырковых уток. Н.И. Коркин без объяснения предложил перевести «чрънядьми» как «чибисами». (Коркин, 2000).

Утка-чернеть, действительно, существует, но черное оперение есть не только у нее. К тому же невозможно представить уток с их прямым и очень быстрым полетом «стерегущими на ветрех». Они не могут парить. Логично думать, что стеречь «на ветрех» должны птицы, способные к парению. Видимо, этим соображением руководствовался Й. Бадалич, который на хорватский язык перевел «чрънядьми на ветрех» как «kao soko u uzduhu» («как сокол на воздухе») (Badalic, 1972).

² Здесь и далее текст «Слова» приводится по переводу Д.С. Лихачева в издании «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. М., 1982.

Надо заметить, что в русском языке существовало забытое ныне значение слова «чернь». Под «черню» понимали черных птиц, а именно «вороньё, гальё, стаи грачей, ворон и пр.» (Даль, 2000). Вот они могли парить над войском, ожидая поживы, и тем самым загодя указывать на приближение врага. Однако автор «Слова» несколько раз называет половцев вранами или черными вóронами. Странно было бы, если бы такие птицы охраняли князя-сокола.

Другое старинное слово «черняй», напротив, обозначало «чеглок, соколий самец» (Даль, 2000). Действительно, у части соколов самцы окрашены значительно темнее самок и издали кажутся почти черными. Черняями называли маленьких сапсанов за их темные аспидно-треугольные пятна на спине. Парение соколов хорошо известно, и они тоже могли указывать на приближение людей.

Наконец, еще одно выражение, возможно причастное к соколам. Следующие строки одни из самых трудных для перевода:

Инъгварь и Всеволод,
и вси три Мстиславичи,
не худа гнезда шестокрильци!

Почему автор «Слова» называет князей «шестокрильцами»? Это камень преткновения для всех переводчиков «Слова». Иногда «шестокрильци» заменяют на «соколы», а у А.Н. Майкова (1973) это – «не худа гнезда птенцы крылаты». Но чаще всего слово «шестокрильци» оставляют без перевода, отсылая читателя к комментариям.

Существуют три попытки объяснения «шестокрильцев». Во-первых, под «шестокрильцами» понимают ангелов-серафимов, которых вместе с херувимами изображают шестикрылыми (Зимин, 2006). В переложении Ф.Ф. и В.Ф. Моисеевых сказано больше: «На знамёнах у вас шестикрылый архангел» (Ф.Ф. Моисеева, 2005). Действительно, выражения «шестикрылый серафим» или «херувимовы крылья» обычны в произведениях русских авторов, но только более поздних, чем «Слово о полку Игореве». И откуда у автора «Слова» неожиданное обращение к ангельским чинам, если он упоминает Велеса, Стрибога, Хороса, называет ветры «Стрибожи внуци», пишет «Яр туре Всеволоде», а о князьях говорит как о внуках Дажьдбога?

Второе объяснение «шестокрильцев» таково: шесть крыльев у трех князей. Но почему у трех? Ведь сказано «Инъгварь и Всеволод, и вси три Мстиславичи». Значит, князей – пять.

Наконец, Н.В. Шарлеман (Шарлемань, 1997) высказал соображение, что у всех летающих птиц «оперение крыла делится на три части – большие

маховые, малые маховые и крылышко. Таким образом, весь летательный аппарат сокола состоит как бы из шести частей, отсюда – «шестикрылый». Действительно, в скелете крыла есть плечо, предплечье и кисть, но исходя только из этого нельзя говорить о шестикрылости. Шестикрылость вообще не сочетается со словом «птица». Между тем в переводах последних лет «шестокрыльцы» не только не переводятся, но пишутся как «шестикрыльцы».

Неопределенность существует и в иностранных переводах. Например, в украинских:

«Мстиславичі волинські – шестикрильці з хороброго і знатного гнізда» (Слово о полку Ігоревім, 2003);

«всі три Мстиславичі, Незгіршого гнізда шестикрильці!» (Свидзинський, 1938).

Для примера приведем и переложения «Слова» на французский язык:

«...et vous les trois fils de Mstislav vous êtes les faucons à six ailes d'une niche célèbre» (Soupault, 1950) («...и вы, трое сыновей Мстислава, вы – соколы шестикрылые из знаменитого гнезда»);

«...et vous trois, fils de Mstislav, vautours aux six ailes, fils d'une couvée non médiocre!» (La Gest du Prince Igor, 1948, перевод А. Грегуара) («и вы трое, сыновья Мстислава, грифы шестикрылые, сыновья не плохого выводка»);

«...fière nichée d'autours à six rémiges» (La Gest du Prince Igor, 2005, перевод Х. Пигетти) («благородный выводок с шестью маховыми перьями»).

Прежде всего заметим, что слово «шестокрильцы» церковнославянское. Маловероятно, что это слово появилось в тексте случайно. Логичнее допустить, что кто-то из переписчиков «Слова», встретив некое не понятное ему первоначальное выражение, заменил его «шестокрильцами». Ведь любой грамотный человек на Руси обучался чтению по церковным книгам, знал библейские и евангельские тексты. И выражение «шестикрылый херувим» было у всех на устах. Более того, в XIV в. на Руси было известно и существовавшее «Шестокрыл». Так называли манускрипт, состоявший из шести таблиц, по которым можно было определить время наступления предстоящих фаз Луны и лунные затмения. Книга содержала шесть «крыл», под этим словом подразумевали главу или раздел. «Шестокрыл» был запрещен Церковью, т.е. имел известность.

Если наше предположение верно, то что за слово предшествовало «шестокрильцам»? Помня о постоянных сравнениях князей с соколами, об общем тоне восхваления князей, обратим внимание на выражение «не худа гнезда». Это, конечно же,

указание на родовитость, на знатные родовые корни. Упомянутые князья родовиты, они все праправнуки Мономаха и потомки Рюрика. И здесь вполне уместным было бы старинное слово из языка соколятников – «честец» или «честник». Так именовали лучшего из имевшихся в наличии соколов (ср. «честной молодец»). В православном церковном предании о московском храме св. Трифона до сих пор упоминается сокольник царя Иоанна IV Трифон Патрикеев, который во время охоты упустил *честника – любимого белого кречета* царя – и только благодаря помощи святого мученика Трифона нашел его возле Марьиной роши.

Таким образом, можно допустить, что изначально в тексте «Слова» было написано: «не худа гнезда **честецы крылаты!**» или «**честно крыльцы**».

Сравнение князей с соколами-честецами, соколами чистых кровей вполне естественно и справедливо. Поздний переписчик мог не знать слова «честец» и заменил его на «шестокрилец». К тому же тенденция к смене старославянизмов с «щ» на русизмы с «ч» (нощь – ночь, немощь – немочь, дщерь – дочь и др.) могла иметь и обратное направление. На наш взгляд, такое объяснение пред-

ставляется более правдоподобным, чем невероятное сравнение князей с архангелами или с шестикрылыми птицами.

Все приведенные примеры совершенно ясно показывают, что автор произведения был не только начитанным, но и очень хорошо понимал природу и соколиную охоту. Такое знание языка соколятников было уже невозможно во времена обнаружения рукописи, когда с соколами практически не охотились. Мы не беремся вступать в полемику о подлинности рукописи «Слова», но имеющиеся в тексте древние слова из обихода соколятников дают основание отнести это время намного дальше, чем указывается скептиками XVIII столетие.

Исследование текста «Слова» имеет отношение и к отечественной орнитологии, точнее к вопросу о ее возникновении. Разумеется, можно принимать за рождение этой науки время выхода первого манускрипта, посвященного исключительно птицам. Но можно озадачиться и другим вопросом: «кто первым *описывал* птиц на Руси?». Причем описывал, не просто упоминая названия, но показывая свое знание отдельных видов, их внешних признаков, биологии и повадок. Почему бы в таком случае не считать безымянного автора «Слова о полку Игореве» одним из таких людей?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[REFERENCES]

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 2000. Стб. 1320 [*Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. IV. M., 2000. Stb. 1320*].
- Зимин А.А. Слово о полку Игореве. М., 2006 [*Zimin A.A. Slovo o polku Igoreve. M., 2006*].
- Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. М., 1982. С. 100 [*Likhachev D.S. «Slovo o polku Igoreve». Istoriko-literaturnyj ocherk. M., 1982. S. 100*].
- Майков А. Слово о полку Игореве. Ярославль, 1973. С. 28 [*Majkov A. Slovo o polku Igoreve. Yaroslavl', 1973. S. 28*].
- Моисеева Ф.Ф., Моисеева В.Ф. Слово о полку Игореве. Поэтический перевод. Смоленск, 2005, по: nevmenandr.net/slovo/trans.php?it=f2 моисеев [*Moiseeva F.F., Moiseeva V.F. Slovo o polku Igoreve. Poeticheskij perevod. Smolensk, 2005 – po: nevmenandr.net/slovo/trans.php?it=f2* моисеев].
- Орлов А.С. Слово о полку Игореву. М.; Л., 1938. С. 38 [*Orlov A.S. Slovo o polku Igorevu. M.; L., 1938. S. 38*].
- Повесть временных лет (перевод Д.С. Лихачёва). В кн. Изборник. Повести Древней Руси. М., 1987. С. 33. [*Povest' vremennykh let (perevod D.S. Likhacheva) // Izbornik. The stories of Ancient Russia. M., 1987. S. 33*].
- Свидзинский В. Литературный журнал. 1938. № 5. С. 95–110 [*Svidzin'skij V. Literaturnyj zhurnal. 1938. № 5. S. 95–100*].
- Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. М., 1981. 288 с. [*Slovo o polku Igoreve. Drevnerusskij tekst i perevody. M., 1981. 288 s.*].
- Слово о полку Игоревім та його поетичні переклади й переспіви в українській літературі. Київ, 2003. С. 565–579 (укр.) [*Slovo o polku Igorevim ta jogo poetichni perekлади j perespivy v ukrains'kij literature. Kyiv, 2003. S. 565–579 (ukr.)*].
- Шарлемань Н.В. Природа и люди Киевской Руси // Киевский эколого-культурный центр. Серия: История охраны природы. Вып. 13. Киев, 1997. С. 13 [*Sharleman' N.V. Priroda i lyudi Kievskoj Rusi // Kievskij ekologo-kul'turnyj tsentr. Seriya: Istoriya okhrany prirody. Vyp. 13. Kiev, 1997. S. 13*].
- Шестова-Колпакова А. Слово о полку Игореве. 2003, по: proza.ru/2013/05/19/1729 [*Shestova-Kolpakova A. Slovo o polku Igoreve. 2003, po: proza.ru/2013/05/19/1729*].
- Badalic J. Spjev o vojevanju Igorovu, Igora, sina Svjatoslavova, unuka Olegova. Zagreb, 1972. P. 31–50.
- Soupault Ph. Chant du Prince Igor. Rolle, 1950.
- La Geste du Prince Igor: Epopée russe du XII siècle. N.Y., 1948.
- La Geste du Prince Igor traduit par Christiane Pighetti. Paris, 2005.

BIRDS IN «THE SONG OF IGOR'S CAMPAIGN»*V.N. Alekseev*¹

The text of “The Song of Igor’s campaign” as one of the first Russian ornithologic information sources is discussed. Numerous examples show that the author of the “The Song” was a great connoisseur of birds in general and falconry in particular. Some terms and expressions which are still difficult to interpret are considered. New interpretations of these specific words are proposed.

Key words: “The Song of Igor’s campaign”, translations, Falcons, the meaning of words, new interpretations.

¹ Alekseev Vladimir N. Department of Biology and Ecology, State University of Humanities and Technology (inostemma@mail.ru).